Лозинский

СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХИЗМ

2 изд.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ16
Л685

БИБЛІОТЕКА РЕВОЛЮЦІОННАГО СОЦІАЛИЗМА

№ 1.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

1604

Лозинский Е.У.

БИБЛІОТЕКА И АРХИВЪ ЗАГРАНИЧНАГО КОМИТЕТА БУНДА.

Лозинский Е.У.
Современный анархизм.
2 экз

Е. УСТИНОВЪ.

...АРХИЗМЪ,

...РАММА, ТАКТИКА

И

НРАВСТВЕННО-КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ.

PRIX 20 CT.

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

ЖЕНЕВА

1905

Заглавие .....

Место и год изд. .....

Фамилия читателя .....

Подпись получател

БИБЛІОТЕКА РЕВОЛЮЦІОННАГО СОЦІАЛИЗМА

№ 1.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

БИБЛІОТЕКА АРХИВЪ ЗАГРАНИЧНАГО КОМИТЕТА БУНДА.

Лозинский Е. У.

1604

ЦГ16

Л685

Автор И.Ск.

Е. УСТИНОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХИЗМЪ,

ЕГО КОНЕЧНЫЕ ИДЕАЛЫ, ПРОГРАММА, ТАКТИКА И НРАВСТВЕННО-КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ.

PRIX 20 CT.

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

ЖЕНЕВА

1905

9 5000 W.

К.

Въ болѣе сокращенномъ видѣ эта статья была впервые напечатана въ № 2 „Вольнаго Дискуссіоннаго Листка“, издаваемаго нашей группой. Потребность ясно и строго размежеваться съ современнымъ такъ называемымъ „коммунистическимъ“ анархизмомъ ростетъ въ нашей средѣ, средѣ революціонныхъ соціалистовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе, что и побуждаетъ насъ издать эту статью товарища Устинова — значительно имъ дополненную и исправленную — отдѣльной брошюрой.

Мы надѣемся въ ближайшее же время продолжить серію нашей соціально-революціонной библіотеки выпускомъ подобныхъ же небольшихъ брошюръ, посвященныхъ самымъ животрепещущимъ вопросамъ русской революціи.

Изд. Группа „В. Д. Л.“

ЦГ16
Л685
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
200
27
412865у
У
84
2010

СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХИЗМЪ,

его конечные идеалы, программа, тактика и нравственно-классовая сущность.

Что такое анархизмъ? Каково должно быть наше отношеніе къ этому теченію?

Отвѣтить на этотъ вопросъ задача не легкая, проблема сложная и запутанная. Опредѣлить свое отношеніе къ другимъ общественнымъ теченіямъ современной жизни представляется дѣломъ, сравнительно, болѣе легкимъ и простымъ, ибо самъ характеръ ихъ успѣлъ вполнѣ опредѣлиться. Либерализмъ, соціаль демократизмъ.... намъ ясны ихъ основныя, отправныя точки зрѣнія, ихъ міросозерцаніе, ихъ классовой характеръ; передъ нами вполнѣ опредѣленныя, болѣе или менѣе стройно организованныя политическія партіи, мы знаемъ ихъ программы. Не то — анархизмъ. Что это такое? гдѣ его искать? гдѣ *партія*, являющаяся его носителемъ? гдѣ его организаціи? гдѣ его программа, выработанная и санкціонированная опредѣленной коллективной силой? Все это — вопросы, на которые крайне затрудняешься отвѣтить. Анархистской *партіи*, т. е. организованной коллективной силы, внутренно связавшей себя опредѣленнымъ договоромъ, выработавшей извѣстную программу и дѣйствующей по одному плану, такой партіи мы не знаемъ. Бывали попытки созданія такой организаціи, — напр. Бакунинская «Alliance de la démocratie socialiste», но въ конечномъ подсчетѣ всѣ онѣ отличались какимъ то фатальнымъ и роковымъ безплодіемъ. Въ настоящее время, на сколько намъ извѣстно, никто такихъ попытокъ болѣе не возобновляетъ, отчаявшись, вѣроятно, въ возможности какихъ-либо положительныхъ результатовъ. Такимъ образомъ, желая опредѣлить свое отношеніе къ анархизму, попадаешь въ крайне затруднительное и нелѣпое положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, не зная партіи, приходится искать другихъ источниковъ. Такими источниками могутъ быть или отдѣльныя личности — анархисты, но гдѣ гарантія, что данная личность является вѣрнымъ выразителемъ дѣлаго теченія? или анархистская литература, но... но тутъ получается нѣ-

что совсѣмъ ужъ затруднительное. Анархистская литература!... имѣли ли вы, читатель, хоть часть ея передъ своими собственными очами? *слыхали* ли вы, по крайней мѣрѣ, о теоріяхъ и практическихъ проектахъ всѣхъ этихъ прудонистовъ, бакунистовъ, бруссистовъ, мостистовъ, тукеріанцевъ, учениковъ Штирнера, Макая, Реклю, Крапоткина, Годвина, не говоря уже о толстовцахъ и другихъ болѣе мелкихъ группахъ? Какая головокружительная смѣсь языковъ и нарѣчій, какое непримиримое противорѣчіе идей и настроеній! Какъ, спрашивается, опредѣлить свое отношеніе ко всему этому? тутъ что ни авторъ, то особая теорія, что ни книга, то особое міросозерцаніе. Но допустимъ, что мы для упрощенія и облегченія задачи ограничились ознакомленіемъ лишь съ новѣйшими теченіями анархизма, съ такъ наз. «коммунистическими» его направленіями. Станетъ ли намъ отъ этого легче? Да, пожалуй, легче станетъ, но задача и тутъ еще грандіозная, проблема сложная и запутанная. Вы думаете, что современные анархисты-коммунисты сходятся въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, даже болѣе — что они уже выработали себѣ таковыя? Я думаю, что нѣтъ, и со мною думаютъ такъ же болѣе искренніе изъ ихъ собственнаго же лагеря. Много ли общаго между воззрѣніями Толстого и Крапоткина? Бруно Вилле и Жана Грава? Моста и Реклю? А поговорите съ ихъ учениками: настоящее вавилонское столпотвореніе! И это говоримъ не мы только,—намъ можно и не повѣрить,—нѣтъ, разверните одно изъ сочиненій Жана Грава: «Умирающее общество и анархія» (Женева, изданіе группы русскихъ коммунистовъ-анархистовъ 1901) и на стр. 156 вы найдете слѣдующее чистосердечное признаніе:

«То, что происходитъ въ настоящую минуту въ нашихъ рядахъ, можетъ иногда внушить людямъ... сомнѣніе въ возможности водворенія согласія среди *того хаоса идей* (курсивъ вездѣ нашъ), которыя, подъ именемъ анархизма, борятся въ наше время такъ или иначе съ буржуазнымъ строемъ»... Далѣе онъ говоритъ уже о хаосѣ «въ идеяхъ *и поступкахъ*», который тѣмъ болѣе безнадеженъ, что «при видѣ хаоса въ идеяхъ и поступкахъ, царящаго вокругъ нихъ» у многихъ изъ современныхъ анархистовъ — говоритъ Жанъ Гравъ — возникло отношеніе, «какъ къ метафизикѣ, къ обсужденію всякихъ идейныхъ вопросовъ».

«Въ собственномъ запасѣ идей» говоритъ все тотъ же Гравъ — анархисты «не находятъ» такой силы, которая

способна была бы объединить ихъ въ виду революціи. Результатами анархической пропаганды онъ недоволенъ: «ее поняли далеко не всѣ тѣ, кто заявляетъ себя ея сторонниками», за что—добавимъ уже мы отъ себя — ихъ трудно и винить, ибо понять «хаосъ», разобраться въ немъ задача довольно таки мудреная. Товарищамъ своимъ по... «хаосу» Ж. Гравъ даетъ благой совѣтъ: zurück in die Schule, назадъ на школьную скамью, «займемся болѣе точной разработкой идей». Совѣтъ, повторяемъ, весьма благоразумный, но спрашивается опять: какъ же быть-то намъ, революціоннымъ соціалистамъ, желающимъ опредѣлить свое отношеніе къ анархизму? Подождать маленько, пока самъ анархизмъ опредѣлитъ, наконецъ, свое отношеніе къ самому себѣ? Мы думаемъ, что ждать нельзя, что намъ необходимо какъ можно скорѣе размежеваться съ анархистами, установить наши точки расхожденія и — если таковыя найдутся — наши точки «схожденія», — необходимо потому, что такое строгое размежеваніе значительно поможетъ дѣлу нашего собственнаго партійнаго самопознанія и, съ другой стороны, помѣшаетъ внесенію «хаоса идей и поступковъ» въ ту среду, которая еще не затронута анархистской пропагандой. Тѣмъ болѣе, что этотъ хаосъ чувствуется болѣе въ положительной сторонѣ мысли и дѣятельности современныхъ анархистовъ, въ отрицательной же части своей доктрины они почти что солидарны. Даже откровенный Ж. Гравъ увѣряетъ насъ, что хаосъ хаосомъ, а рядомъ имѣется еще и «ясно намѣченная цѣль.» «Во Франціи, въ Испаніи, въ Англіи, въ Америкѣ, въ Австраліи — говоритъ онъ — повсюду анархисты стремятся къ уничтоженію частной собственности и государственной власти, къ полной и безусловной независимости личности. Въ этомъ общая основа всѣхъ ихъ взглядовъ...» Правда, всего этого еще очень мало, но на нѣтъ и суда нѣтъ, и наша задача — установить свое опредѣленное отношеніе хоть къ этой «общей основѣ» анархистскихъ взглядовъ, къ ихъ своеобразной, чисто отрицательной политикѣ и экономикѣ.

Въ основу какъ той, такъ и другой положенъ излюбленнѣйшій принципъ анархизма всѣхъ временъ и оттѣнковъ, начиная съ Овидія и Зенона и кончая Кропоткинымъ и Львомъ Толстымъ, а именно: *абсолютная*, *безусловная*

свобода личности. О такой «безусловной свободѣ человѣка и гражданина» говоритъ Прудонъ въ своихъ «Confessions», Реклю въ своей брошюрѣ объ «Анархіи» («никакихъ законовъ и правилъ поведенія, кромѣ своего хотѣнія и доброй воли...»), Ж. Гравъ въ цитированномъ своемъ сочиненіи (напр. стран. 145), Крапоткинъ въ своемъ докладѣ: «Коммунизмъ и Анархія» (стр. 18 и слѣд.) и т. д. Здѣсь имѣется въ виду, конечно, не біологическая абсолютная свобода (ибо и анархистъ знаетъ, что люди, даже самые автономные, рождаются и умираютъ не по своей доброй волѣ и хотѣнію) и даже не возможность существовать внѣ общества въ дикомъ состояніи, а именно безусловная соціальная свобода личности, т. е. «право и возможность дѣлать все, что ей нравится, и только то, что ей нравится» (см. «Заявленіе анархистовъ передъ Ліонскимъ исправит. судомъ» въ «Хл. и В» № 2). Правда, послѣ такого рѣшительнаго заявленія ліонскіе анархисты замѣтили, что и они признаютъ «предѣлы» такому безусловному хотѣнію, и что такими предѣлами являются «потребности нашихъ ближнихъ»; т. е., другими словами, дѣлать только то, что нравится, въ обществѣ невозможно, такъ какъ приходится сплошь и рядомъ ограничивать свою волю волею другого или другихъ, дѣлать уступки, входить въ компромиссы, подчиняться извѣстнымъ, регулирующимъ различныя воли правиламъ. Но тогда спрашивается: зачѣмъ морочить людей какими то особыми, специфически-анархистскими перспективами «абсолютной свободы», если такая свобода не только немыслима, но и въ своей чистотѣ имѣетъ антиобщественный и индивидуалистическій характеръ? Другіе анархисты, напр. Годвинъ, болѣе послѣдовательны, они не признаютъ даже обязательности исполнять разъ данное слово или обѣщаніе. Не удивительно, если Годвинъ хотѣлъ бы атомизировать, раздробить человѣческое общество на изолированныя маленькія группы, «какъ можно менѣе сносящіяся другъ съ другомъ».

Нѣсколько иначе опредѣляетъ анархистскую свободу Петръ Крапоткинъ:

«Свобода — говоритъ онъ въ своемъ докладѣ (стр. 19) — есть возможность дѣйствовать, не вводя въ обсужденіе своихъ поступковъ боязни общественнаго наказанія (тѣлеснаго или страха голода, или даже боязни порицанія, если только оно не исходитъ отъ друга)»,

Опредѣленіе свободы и тутъ крайне неопредѣленное. Если его понимать буквально, то такая свобода означала бы полную безотвѣтственность личности передъ обществомъ и, въ то же время, полную беззащитность общества противъ какихъ бы то ни было посягательствъ личности. Вся сущность проблемы о свободѣ и заключается именно въ томъ: мыслимо ли такое состояніе общества, гдѣ каждый былъ бы своимъ единственнымъ законодателемъ, гдѣ не было бы никакихъ общеобязательныхъ правилъ поведенія, налагаемыхъ извѣстной коллективной волей на отдѣльныхъ личностей? И затѣмъ: въ правѣ ли такая воля принудить личность къ исполненію своего рѣшенія, даже наказать ее (чѣмъ бы то ни было, хотя бы и простымъ изгнаніемъ) въ случаѣ намѣреннаго неисполненія? Прудонъ, напр., считалъ необходимымъ насильно принуждать личность къ исполненію своего обѣщанія или договора и не останавливаться даже передъ казнью. Но спрашивается: какая же это абсолютная автономія личности, какая же это ан-архія?

Такова „ясность“ перваго, фундаментальнаго принципа анархистской доктрины, лежащаго въ основѣ всѣхъ ея дальнѣйшихъ построеній. Обратимся теперь къ этимъ послѣднимъ. Тутъ мы на первомъ мѣстѣ встрѣчаемъ „уничтоженіе государства“. Уничтоженіе непримиримое, абсолютное, не останавливающееся даже предъ самими демократическими формами государственности, ибо въ самой даже чистой демократіи, въ республикѣ, въ прямомъ народномъ законодательствѣ — говорятъ унисономъ анархисты — есть повелѣвающее большинство и повинующееся меньшинство, есть, слѣдовательно, то „управленіе человѣка человѣкомъ“, которое несовмѣстимо, конечно, съ абсолютной автономіей и свободой личности. Анархисты, такимъ образомъ, анти-государственники, они противъ существованія въ будущемъ обществѣ всякой *обязывающей и принудительной власти*, являющейся основнымъ элементомъ государственности.

«Ни власти большинства, ни власти божественнаго права существовать не должно, вообще личность не должна подчиняться *никакому закону, кромѣ своей собственной воли*» (Ж. Гравъ, тамъ же, стр. 54).

Въ такомъ смыслѣ высказывались и высказываются всѣ анархисты, усматривающіе въ этомъ свое коренное отличіе

отъ такъ наз. «авторитарныхъ» соціалистовъ. Но замѣчательно, что и тутъ, даже у наиболѣе видныхъ теоретиковъ анархизма, мы находимъ нѣкоторую хаотичность мысли и цѣлый рядъ отступленій отъ собственнаго же коренного принципа. Такой хаотичностью проникнута напр. вся брошюра П. Кропоткина: «Государство, его роль въ исторіи».

Уже въ самомъ его опредѣленіи государства мы находимъ много произвольнаго и необоснованнаго. Съ его точки зрѣнія,

«понятіе о государствѣ обнимаетъ собою не только существованіе власти надъ обществомъ, но и сосредоточеніе управленія мѣстной жизнью въ одномъ центрѣ» (стр. 5),

какъ будто нельзя представить себѣ государство съ самымъ широкимъ самоуправленіемъ федеративно объединенныхъ общинъ! Неудивительно, если по Кропоткину выходитъ, что «государство среди европейскихъ народовъ развилось лишь съ шестнадцатаго столѣтія.» По моему, одно изъ лучшихъ опредѣленій государства далъ намъ П. Л. Лавровъ въ своемъ сочиненіи « Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ»:

«Государство — говоритъ онъ на стр 15. — есть общественный союзъ, въ которомъ существуетъ *власть* той или другой формы, власть, помощью которой одна доля населенія дѣлаетъ рѣшенія, ею принятыя, *обязательными* для остальной части, безъ возможности для послѣдней уклониться отъ ихъ исполненія, не разрушая самого союза».

Съ этой точки зрѣнія, — скажемъ мы, — даже въ грядущей самой чистой, соціальной демократіи, гдѣ большинство (общины ли въ мѣстныхъ дѣлахъ, союза ли общинъ въ вопросахъ общихъ) будетъ создавать извѣстныя обязательныя постановленія для себя и для меньшинства, останется государственный элементъ, останется «государство». Весь вопросъ здѣсь сводится къ тому: дѣйствительно ли въ грядущемъ обществѣ каждая личность не будетъ подчиняться «никакому закону, кромѣ своей собственной воли»? Анархисты хотятъ насъ увѣрить, что — да, не будетъ, но увы! лишь только они начинаютъ приводить аргументы въ защиту своего положенія, какъ немедленно ему измѣняютъ и дѣлаютъ цѣлый рядъ компромиссовъ съ авторитарной дѣйствительностью. Послушаемъ, напр., Кропоткина, какъ онъ говоритъ о возможности «безгосударственнаго» состоянія на образцѣ первобытныхъ племенъ и средневѣковыхъ городскихъ республикъ (см. тамъ же стр. 8 и сл.):

«Десятки тысячъ лѣтъ люди жили родами или племенами, и въ теченіе этого періода въ человѣчествѣ выработался уже цѣлый рядъ учрежденій, обычаевъ или общественныхъ привычекъ. Во всѣхъ дѣлахъ міръ имѣлъ верховную власть (!! и такъ, «власть» была, и при томъ въ каждомъ данномъ конкретномъ случаѣ власть не «міра», а его большинства. У.) Мѣстный обычай былъ закономъ (!! и такъ законы были, — правда, неписанные, но иные неписанные бываютъ похуже писанныхъ: гнетъ «обычая» надъ личностью всѣмъ извѣстенъ... У.); а общее собраніе всѣхъ главъ семействъ было судьей (!! значитъ, былъ судъ, а не самосудъ. У.) и притомъ единственнымъ судьей, и по гражданскимъ и по уголовнымъ дѣламъ... Всѣ учрежденія, которыми различныя государства впослѣдствіи воспользовались въ интересахъ меньшинства, всѣ понятія о правѣ, которыя мы находимъ въ нашихъ законахъ и всѣ формы судебной процедуры, на сколько они охраняютъ личность, получили свое начало въ общинномъ бытѣ (!)... Основанная на общемъ владѣніи землею, обладающая верховной властью, и судебною и законодательною (!!) на основаніи обычнаго права, — сельская община удовлетворяла большей части общественныхъ потребностей своихъ членовъ»... Говоря далѣе о коммуналистическомъ режимѣ среднихъ вѣковъ въ Европѣ, К. пишетъ: «Сотни вольныхъ городовъ жили безъ всякаго другого права, кромѣ собственной воли (?). И когда мы сравниваемъ теперь хартіи и внутреннее устройство вольныхъ городовъ французскихъ, италіанскихъ, русскихъ (К. имѣетъ въ виду Новгородъ и Псковъ. У.), насъ поражаетъ почти буквальное сходство этихъ хартій и республикъ (республикъ? развѣ республика не государство? У.). Каждая улица и приходъ представляютъ особую земельную единицу; они имѣютъ свое уличное вѣче, судилище, свою печать — символъ государственной (?!) независимости».

Таковъ «безгосударственный» строй въ прошедшемъ. Въ своихъ поискахъ свободы и независимости личности и въ своей наивной идеализаціи прошлаго К. не замѣчаетъ, что онъ на каждомъ шагу спотыкается о государственные элементы власти, связанности и принужденія, доказывая какъ разъ обратное тому, что бы ему хотѣлось. Кропоткину вторятъ его ученики, сотрудники газеты «Хлѣбъ и Воля»:

«Нужно воскресить Новгородъ и Псковъ, — читаемъ мы въ № 1 этой газеты — но такъ, чтобы каждая волость, каждая провинція представляли собою Новгородъ и Псковъ и къ тому же соотвѣтствующіе духу 20-го вѣка».

Очевидно, наши анархисты думаютъ, что въ Новгородѣ и Псковѣ каждая личность не подчинялась «никакому закону, кромѣ своей собственной воли»....

«Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, читаемъ у Кропоткина дальше, что я забываю внутреннюю борьбу партій, которой полна исторія этихъ общинъ, забываю уличныя схватки, возстанія «молодыхъ ремеслъ» противъ старыхъ ремеслъ, кровопролитія и репрессаліи»...

Нѣтъ, отвѣчаетъ К., — «я вовсе не забываю этого» Столкновенія, конечно, были, но... но, — говоритъ К., — «разрѣшались они свободно (!!), безъ вмѣшательства какой то внѣшней силы, безъ вмѣшательства государства»...

Вспомните, читатель, изъ исторіи, какъ большинство Новгородскаго вѣча подчиняло своимъ рѣшеніямъ «свободное» меньшинство, сбрасывая его съ Волховскаго моста въ воду, и судите теперь о прелестяхъ того безгосударственнаго якобы состоянія, по какимъ вздыхаютъ наши современные «коммунистическіе анархисты». «Свободное разрѣшеніе конфликтовъ»... Это ли еще не «хаосъ» даже въ той «общей основѣ» (основѣ чисто отрицательной) анархистскихъ идей, которую удалось установить Ж. Граву въ его цитированномъ выше сочиненіи?!

Публицисты газеты «Хл. и В.» хотятъ «воскресить Новгородъ и Псковъ», какъ въ предѣлахъ каждой волости, такъ и въ цѣлыхъ провинціяхъ. Что же, дѣло хорошее, ибо это означаетъ въ конечномъ счетѣ водвореніе республиканско-федеральнаго строя на чисто-демократическихъ началахъ. Но спрашивается: при чемъ же тутъ ан-архизмъ? при чемъ безвластіе и антигосударственность? Зачѣмъ дурачить и себя и малыхъ сихъ громкими, но пустыми или двусмысленными фразами, если въ конечномъ счетѣ получается *не ан-архія*, гдѣ никто не подчиняется никакимъ законамъ, *а демо-кратія* въ своей самой чистой, самой раціональной формѣ?

Демократія, не фальсифицированная, а истинная, означаетъ *народовластіе*. Таковъ филологическій смыслъ этого слова, и таково внутреннее содержаніе этого понятія, установленное Ж. Жакомъ Руссо, Риттингаузеномъ и другими. Фактически, въ каждомъ данномъ конкретномъ случаѣ, демократическое начало означаетъ принадлежность обязывающей (законодательной) и принудительной власти *большинству*. Законъ есть воля большинства. И вотъ, тутъ мы опять встрѣчаемся съ анархистской фразеологіей, направленной противъ демократическаго начала большинства. Кто знаетъ драму Ибсена «Врагъ народа», тому извѣстна самая сущность этой фразеологіи:

Большинство— говоритъ герой этой драмы — всегда неправо. Кто составляетъ большинство жителей какой-либо страны: умные или глупцы? Мнѣ кажется, мы всѣ согласны въ томъ, что глупцы. Какимъ же образомъ мы можемъ считать справедливымъ, что бы глупцы господствовали надъ умными?»

Всѣ анархисты подхватываютъ съ восторгомъ эти слова и... торжествуютъ. Они не замѣчаютъ всей буржуазности, всей, такъ сказать, антикоммунистичности этой софистической тирады индивидуалиста — Ибсена. Ибсенъ не коммунистъ, и ему въ пору думать, что большинство людей навсегда останутся глупцами, живущими по указкѣ немногихъ умниковъ. Ну, а наши анархисты-коммунисты? Неужели и въ ихъ архи-идеальномъ строѣ большинство общества обречено быть глупцами, неспособными въ каждомъ данномъ случаѣ правильно рѣшить тотъ или иной практическій вопросъ? Если да, мы и даромъ не хотимъ такого строя. Мы, революціонные соціалисты, а не анархисты, склонны вѣрить, что въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ, когда всѣмъ станутъ доступны всѣ блага культуры и просвѣщенія, будетъ больше умныхъ, чѣмъ дураковъ, и что поэтому истина не абсолютная, конечно, а земная, относительная — будетъ скорѣе на сторонѣ большинства, а не меньшинства. Если же, по мнѣнію анархистовъ, въ ихъ будущемъ, «безначальномъ» обществѣ дураковъ будетъ больше, чѣмъ людей умныхъ, то спрашивается: зачѣмъ къ такому обществу еще *стремиться*, проливать изъ-за него потоки крови? оно *уже есть*, тутъ, передъ нашими глазами, это общество — буржуазное, индивидуалистическое, гдѣ меньшинство хитрыхъ умниковъ (о, и какихъ умниковъ!) водитъ за носъ громадное большинство добродѣтельныхъ глупцовъ и краснобаевъ...

Но, мало того. Демократическое начало большинства оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, кто въ каждомъ данномъ случаѣ правъ и кто не правъ: большинство или меньшинство? Ибо, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ найти того верховнаго судью, обладающаго абсолютной истиной, который могъ бы рѣшать этотъ вопросъ? Мы ищемъ относительнаго, а не абсолютнаго критерія (масштаба) истинности каждаго даннаго практическаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ и думаемъ, что такимъ критеріемъ является рѣшеніе большинства. Кромѣ того, мы думаемъ, что начало большинства есть *единственно-возможный методъ практическаго рѣшенія общественныхъ вопросовъ и что*

иного метода нѣтъ и быть не можетъ. Единогласныя рѣшенія — исключеніе, и при томъ встрѣчающіяся въ гомогенной (однородной) средѣ слабо развитыхъ индивидуальностей. Если бы стадо барановъ могло думать и постановлять рѣшенія, въ немъ всегда было бы единогласіе. Намъ идеалъ не единогласіе, а разногласіе (rerum concordia discors), а гдѣ разногласіе, тамъ только два выхода: первый, анархическій — fais ce que voudras, т. е. поступай такъ, какъ тебѣ захочется, «не подчиняйся никакому закону, кромѣ своей воли», и второй, демократическій — подчиненіе рѣшенію большинства. Первый методъ практическаго рѣшенія вопросовъ есть методъ индивидуалистическій, антиобщественный и утопическій, послѣдовательное его проведеніе невозможно, а попытки къ его всеобщему приложенію привели бы не только уже къ «хаосу» въ головахъ, но и къ полному общественному „хаосу“, къ разложенію общества; второй методъ есть методъ „мірской“, соціалистическій и реалистическій, единственно оправдываемый нормальнымъ общественнымъ чувствомъ и здоровымъ разумомъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему пункту той „общей основы“, которая соединяетъ современныхъ анархистовъ-коммунистовъ. Онъ гласитъ: *уничтоженіе частной собственности*“... Опять таки формула чисто-отрицательная, ничего не говорящая намъ о томъ, что хотятъ намъ дать въ замѣну частной собственности. Уничтожителями этой собственности являются, вѣдь, и современные буржуа, живущіе грабежомъ и обираніемъ народа. Мы, революціонные соціалисты, стремимся въ экономической области: 1) къ обобществленію средствъ и орудій производства, т. е. къ переходу ихъ въ собственность и верховное распоряженіе общества или всего народа, и 2) къ планомѣрному общественному регулированію производства, обмѣна и потребленія продуктовъ. Другими словами, собственникомъ и верховнымъ распорядителемъ земли, средствъ и орудій производства, путей сообщенія должно быть организованное въ федеративно-демократическую республику общество, являющееся, въ то же время, въ лицѣ отвѣтственныхъ своихъ органовъ и высшимъ руководителемъ производства. Мы являемся, такимъ образомъ, демократами и въ области экономической, мы — сторонники демократической организаціи собственности и производства.

Не то-анархисты. Уничтоживъ частную собственность, они попадаютъ — въ хаосъ.

На счетъ своихъ положительныхъ идеаловъ въ этой сферѣ они еще не столковались. Отецъ современнаго анархизма, Прудонъ, былъ, какъ извѣстно, самымъ рѣшительнымъ противникомъ коммунизма и сторонникомъ такъ называем. мютюализма, мелко-буржуазной организаціи собственности и производства. Бакунинъ не задумывался много надъ болѣе точнымъ изображеніемъ будущаго строя. „Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ“ говорилъ онъ и полагалъ, что все устроится само собою. Онъ тоже былъ ярымъ противникомъ коммунизма, былъ противъ всякой собственности общества, признавалъ лишь „автономныя группы“, между которыми и должны быть подраздѣлены (кѣмъ?) всѣ наличныя средства и орудія производства. Извѣстный германскій анархистъ Мостъ, наоборотъ, приближается болѣе, къ нашей точкѣ зрѣнія, признавая за обществомъ верховное право собственности и регулированія производства. Въ настоящее время анархизмъ не выдвинулъ еще ни одного своего экономиста, который ясно и опредѣленно начерталъ бы анархистскую теорію собственности и производства. Ближе всего подходитъ къ нимъ теорія Дюринга, но и онъ смотритъ на федерацію общинъ, какъ на „политически-общественную территорію, принадлежащія къ которой личности составляютъ объединенное юридическое лицо, и оно, какъ таковое, распоряжается всею почвою, всѣми жилищами и всѣми учрежденіями для производства“ (см. его Cursus der National und Socialökonomie, и особ. главу „Socialitäre Schemata).

Современные анархисты - коммунисты называютъ себя „единственно-послѣдовательными соціалистами“ и „коммунистами“, въ дѣйствительности же они оказываются не чѣмъ инымъ, какъ самыми непослѣдовательными анархистами и крайне сомнительными соціалистами. Относительно нихъ можно сказать, что ихъ анархизмъ не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ, а ихъ соціализмъ — съ анархизмомъ. Тутъ мы попадаемъ въ тотъ же лабиринтъ двусмысленностей и наивнѣйшихъ софизмовъ, съ какимъ мы познакомились уже выше, при разборѣ вопроса объ абсолютной свободѣ личности и о государственности. И въ самомъ дѣлѣ: что хотятъ намъ дать анархисты-коммунисты взамѣнъ

частной собственности на средства и орудія производства? Насъ они упрекаютъ въ томъ, что мы, соціалисты-государственники, хотимъ-де замѣнить массу отдѣльныхъ частныхъ собственниковъ однимъ великимъ и всемогущимъ собственникомъ - государствомъ или обществомъ, массу изолированныхъ хозяевъ-капиталистовъ однимъ единственнымъ, неограниченнымъ и самодержавнымъ предпринимателемъ, все тѣмъ же—обществомъ или государствомъ, и тѣмъ самымъ стремимся-де къ возведенію того „грядущаго рабства", противъ котораго, кстати сказать, вмѣстѣ съ анархистами [illegible]атуютъ и всѣ рьяные защитники капиталистическаго строя, начиная отъ Г. Спенсера и кончая Евгеніемъ Рихтеромъ. Анархистъ-коммунистъ куда радикальнѣе насъ! онъ не хочетъ знать никакихъ хозяевъ, онъ хочетъ быть самъ себѣ хозяиномъ. Но спрашивается: какъ же все-таки быть съ „общей собственностью", съ землей, съ домами, со средствами и орудіями производства? Въ чьихъ рукахъ они будутъ находиться, кто станетъ ими распоряжаться, кто, словомъ, станетъ ихъ хозяиномъ?

Поищемъ отвѣта у Крапоткина.

«Если только — читаемъ мы въ его книгѣ: „Хлѣбъ и Воля" стр. 114 — какое нибудь общество, городъ или область твердо рѣшится обезпечить своимъ членамъ все необходимое, ему неизбѣжно придется завладѣть всѣмъ, что служитъ для производства, т. е. землею, машинами, заводами, средствами передвиженія и т. д. Оно непремѣнно экспропріируетъ современныхъ собственниковъ капитала, чтобы передать этотъ капиталъ въ руки общества».

Такъ говоритъ Крапоткинъ, и вотъ мы спрашиваемъ его: какъ понимать его послѣднія слова—„въ руки общества"? На обычномъ языкѣ это означаетъ, что общество, какъ таковое, становится единственнымъ *хозяиномъ* всѣхъ перечисленныхъ выше средствъ и орудій производства; ему будетъ принадлежать jus utendi et abutendi надъ ними, право пользованія, владѣнія и распоряженія. Если же это такъ, то какая разница между нами, государственниками, и анархистами, и по какому, вообще, случаю шумъ? Общество замѣняетъ всѣхъ частныхъ хозяевъ-капиталистовъ, — *общество*, т. е. его организованная мощь, его спеціально отряженные для этой функціи (владѣнія и распоряженія общей собственностью) *органы* (делегаты, уполномоченные), и отряженные опять-таки не обществомъ во всемъ его цѣломъ, а большинствомъ его... Что же это такое, какъ не то са-

мое, что наши анархисты-коммунисты вмѣстѣ съ Рихтеромъ называютъ „грядущимъ рабствомъ“? Въ этомъ отношеніи какой нибудь „freiheitlicher Socialist“, вродѣ Бенедикта Фридлендера, въ тысячу разъ послѣдовательнѣе анархистовъ, ибо онъ, вмѣстѣ съ Герцкой, со всей энергіей ратуетъ противъ „общей собственности“, противъ „собственности общества“: средства и орудія производства не должны принадлежать *никому*. они должны остаться „*безхозяйными*“ (см. напр. „Der freih. Sozialismus“, стр. 86—87). И онъ съ своей точки зрѣнія правъ, ибо одно изъ двухъ: *или* общая собственность *или* ничья (точнѣе—primi occupandi, перваго завладѣвшаго), т. е. или соціализмъ (коммунизмъ) или... или все, что хотите, только не соціализмъ и не коммунизмъ,—скорѣе, ихъ полное отрицаніе. Предъ анархистами стоитъ здѣсь тяжкая, непреодолимая альтернатива (выборъ): или признать верховнаго хозяина — общество и, слѣдовательно, отречься отъ анархизма, въ пользу „авторитарнаго“ принципа, или же отказаться отъ „общей собственности“ и, слѣдовательно, обнаружить свою антисоціалистическую сущность. Ни того, ни другого они сдѣлать не хотятъ,—и понятно: кто хочетъ самоистребленія?!—отсюда вся двусмысленность, неясность, вся „хаотичность“ ихъ положительныхъ экономическихъ (какъ и всѣхъ прочихъ) построеній.

И такъ, анархисты стремятся къ „уничтоженію частной собственности“, но какую новую организацію собственности они проектируютъ — неизвѣстно.

Перейдемъ теперь къ другому вопросу политической экономіи—къ производству. Какъ намѣрены наши анархисты-коммунисты организовать будущее производство? Насъ они обвиняютъ въ стремленіи къ экономической централизаціи, къ общественному регламентированію производства. И дѣйствительно, всѣ мы стремимся къ планомѣрной, разсчитанной, регулируемой опредѣленными общественными органами организаціи производства, хотя это еще отнюдь не означаетъ его централизаціи. Какъ въ сферѣ политической признаніе государственности еще не равносильно признанію централизма, такъ какъ оно можетъ прекрасно уживаться съ признаніемъ самаго широкаго федерализма и самоуправленія, такъ и въ сферѣ экономической общественное регулированіе производства допускаетъ самое широкое проведеніе принци-

па экономическаго федерализма, т. е. самостоятельной хозяйственной дѣятельности общинъ и округовъ.

Не то — анархисты. Послѣдовательный анархизмъ не признаетъ общественнаго вмѣшательства въ производство. *Все* производство должно находиться въ рукахъ свободныхъ профессіональныхъ группъ, работающихъ каждая на свой страхъ и рискъ. Свободная игра и взаимоприспособляемость такихъ частныхъ хозяйственныхъ силъ способны-де лучше и вѣрнѣе всего обезпечить общественное благосостояніе. Такимъ образомъ извѣстные принципы буржуазной манчестерской школы — невмѣшательство и свободная конкурренція — получили здѣсь свое самое чистое развитіе: пусть каждый производитъ—при помощи „ничьихъ“ орудій производства—все, что онъ хочетъ, и такъ, какъ онъ хочетъ, и въ такомъ количествѣ, какое ему заблагоразсудится, а о результатахъ нечего безпокоиться, — все въ концѣ концовъ выйдетъ разумно и совершенно: таково „credo“, таково вѣрованіе анархиста-коммуниста, но вѣрованіе, въ которое они же сами крайне мало вѣрятъ. Лишь только анархисты - коммунисты начинаютъ детальнѣе рисовать предъ нами будущій анархическій строй общества, какъ сейчасъ же спотыкаются и измѣняютъ своимъ принципамъ. Достаточно лишь вспомнить содержаніе двухъ „записокъ“, представленныхъ въ 1874 г. на Брюссельскій конгрессъ Междун. Ассоціаціи Рабочихъ. Посвящены были онѣ вопросу объ организаціи общественной службы въ грядущемъ обществѣ и составлены анархистами, но каждая страница въ нихъ является измѣною анархизму. Тотъ же грѣхъ случился и съ главою современныхъ анархистовъ-коммунистовъ, Петромъ Кропоткинымъ. Прочтите внимательно его книгу „Хлѣбъ и Воля“, этотъ „Корапъ“ пашихъ анархистовъ-коммунистовъ, и вы увидите, какъ тутъ, при всякомъ какомъ-либо затрудненіи въ проведеніи анархистскаго начала, авторъ ищетъ спасенія и выхода подъ сѣнью „авторитарнаго“ начала. Начинаетъ К. всегда „за здравіе“ абсолютнаго самоопредѣленія личностей и группъ, а кончаетъ деспотическимъ вмѣшательствомъ *общественной власти* въ ихъ жизнь и дѣятельность. Разверните напр. стр. 197 этой книги и прочтите, какъ властно „Коммунистическая Община“ вторгается въ организацію труда своихъ членовъ, —замѣтьте, читатель: *община*, а не та или иная „автоном-

ная группа", т. е. начало авторитарное, а не анархистское!.. То же начало является послѣднимъ якоремъ спасенія анархистскаго общества и въ вопросахъ обмѣна и распредѣленія. При распредѣленіи продуктовъ „общество (?) установитъ, вѣроятно (!), различіе между излишнимъ и необходимымъ" (стр. 112), „ міръ долженъ рѣшить, сколько деревьевъ можно вырубить на каждый дворъ" (стр. 77), „анархистская община строитъ дома" и распредѣляетъ ихъ между своими членами (104, см. также стр. 69 внизу). Относительно обмѣна Кропоткинъ высказывается менѣе опредѣленно, но онъ въ восторгѣ отъ коммунистическихъ порядковъ 10—12 вѣка, когда

«городъ — именно городъ, а не частныя лица («Господинъ Великій Новгородъ» въ Россіи) снаряжалъ корабли и посылалъ караваны для торговли съ отдаленными странами, и барыши отъ торговли доставались не отдѣльнымъ купцамъ, а опять-таки всѣмъ — городу; городъ же покупалъ и нужные для жителей припасы» (стр. 33).

Другими словами, обмѣнъ находится въ рукахъ *государства*, ибо что же такое былъ Новгородъ въ 10—12 вѣкѣ, какъ не демократическая республика съ цѣлой системой властныхъ правительственныхъ органовъ?

Такова чистота принциповъ, такова послѣдовательность „коммунистическаго" анархизма. Желая казаться *революціонными соціалистами*, анархисты измѣняютъ основнымъ своимъ догмамъ; желая оставаться *анархистами*, они вступаютъ въ противорѣчіе съ соціализмомъ и сбиваются на чисто-буржуазную, манчестерскую точку зрѣнія невмѣшательства, свободы договора, свободы конкурренціи. И потому правъ былъ соц.-дем. конгрессъ 1887 г. въ St.-Gallen'ѣ, принявъ единогласно слѣдующую резолюцію по отношенію къ анархизму:

«Конгрессъ объявляетъ анархическую теорію общества, по скольку послѣдняя стремится къ абсолютной автономіи индивида, антисоціалистичной, ничѣмъ другимъ, какъ односторонимъ построеніемъ основной мысли буржуазнаго либерализма. Особенно несоединима эта теорія съ соціалистическимъ требованіемъ обобществленія средствъ производства и общественнаго регулированія послѣдняго.»

Перейдемъ, наконецъ, къ анархистской *тактикѣ*.

До самаго послѣдняго времени, въ теченіе долгихъ десятковъ лѣтъ, тактика эта отличалась всѣми чертами крайней безпочвенности и безплодности, аморфности, дезорганизованности и какой-то истеричной экспансивности. Геніальныя попытки Бакунина создать стройную партійную организа-

4128865.

цію, анархистскій „Интернаціоналъ“, не привели ни къ чему, разбились о внутреннее противорѣчіе самой задачи. Не даромъ многіе современные анархисты ничего и слышать не хотятъ объ организаціи партіи. И въ самомъ дѣлѣ, всякій кто читалъ „Тайный уставъ Интернаціон. Союза соціальной демократіи», составленный Бакунинымъ, тотъ пойметъ, что никакой послѣдовательный анархистъ не могъ ему подчиниться, ибо эта первая попытка положительнаго практическаго творчества анархизма была уже явнымъ его самоотрицаніемъ. (Этотъ уставъ читатель найдетъ въ „Письмахъ Б. къ А. И. Герцену и Огареву Женева, 1896, стр. 443 и сл.). Въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій прошлаго столѣтія мы не видимъ нигдѣ никакой творческой, организаторской работы анархистовъ. Когда ихъ просятъ указать на слѣды ихъ положительной работы, намъ указываютъ на — Испанію, да еще на французскій революціонный синдикализмъ. Что касается послѣдняго, то въ своемъ новомъ центральномъ органѣ «l'Avant-Garde» (см. № 1) это теченіе оффиціально отклонило отъ себя всякую солидарность съ анархизмомъ. А Испанія... слѣдовало бы, чтобы наши анархисты познакомили насъ болѣе обстоятельно съ положительными результатами сорокалѣтней дѣятельности ихъ товарищей въ этой странѣ. До сихъ поръ мы знаемъ лишь, что это пресловутое Эльдорадо европейскаго анархизма до сихъ поръ продолжаетъ оставаться самой реакціонной и невѣжественной, самой безнадежной страной во всемъ культурномъ мірѣ. Повсюду работа организаціоннаго воспитанія рабочихъ сосредоточивалась въ рукахъ марксистовъ. Въ девяностыхъ годахъ много писали и говорили объ анархистскихъ покушеніяхъ, но слава ихъ была чисто геростратовская. Бомба Апри, брошенная въ café Terminus въ Парижѣ, убійство президента Карно, сыгравшее въ руку лишь реакціи, безсмысленное и возмутительное убійство австрійской королевы, — все это акты, отъ которыхъ отвернулся даже Элизе Реклю, назвавшій ихъ „актами варварства“, а извѣстный психіатръ Крафтъ-Эбингъ „политическимъ помѣшательствомъ“, тѣсно связаннымъ съ особою болѣзнью, которая въ психіатріи имѣетъ особое названіе „paranoia expansiva“. Въ средѣ анархистовъ къ тому времени создалась по истинѣ „психіатрическая“ атмосфера. Въ цитированной уже книгѣ Ж. Грава, въ главѣ XVII о принци-

пахъ и средствахъ борьбы, находимъ въ этомъ отношеніи цѣлый рядъ интереснѣйшихъ признаній:

«Нѣкоторые анархисты начинаютъ, подъ предлогомъ разрушенія собственности, защищать воровство: другіе доходятъ въ своей проповѣди свободной любви до такихъ нелѣпостей, которыя они не колеблясь назвали бы развратомъ, если бы дѣло шло о какомъ-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это тѣ, которые отрицаютъ всякіе принципы, считая ихъ предразсудками... Есть также анархисты, которые свою ненависть къ собственности доводятъ до абсурда — до снисходительнаго отношенія къ воровству между товарищами (!) Съ другой стороны, мы встрѣчали и такихъ сильно увлекающихся, но мало думающихъ анархистовъ, которые хотѣли свести все къ одной только пропагандѣ дѣйствіемъ: убивать буржуа, истреблять фабрикантовъ, поджигать фабрики, разрушать зданія — внѣ этого для нихъ не существовало ничего».

Но мало и этого. «Существуетъ — говоритъ глухо Гравъ — въ движеніи извѣстное направленіе — направленіе, имѣющее несомнѣнно полицейскій источникъ, но распространяющееся благодаря искреннему увлеченію нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей — противъ котораго мы всѣми силами должны бороться.»

Такъ пишетъ о своихъ товарищахъ извѣстный вождь французскаго анархизма, авторъ многочисленныхъ трудовъ и редакторъ ан. газеты, Жанъ Гравъ. Ему, конечно, нельзя не вѣрить. Но если все это вѣрно, то тутъ, въ сферѣ тактики, мы имѣемъ дѣло уже съ чѣмъ-то еще худшимъ, чѣмъ простой „хаосъ идей и поступковъ“...

Въ самое послѣднее время въ лагерѣ анархистовъ замѣчается нѣкоторый поворотъ къ лучшему: они перестаютъ быть анархистами, — начинаютъ принимать дѣятельное участіе въ синдикатахъ, обнаруживаютъ менѣе экспансивности и стихійности въ своей дѣятельности, меньше толкуютъ объ „абсолютной“ свободѣ личности... Ихъ энергичная пропаганда противъ современнаго вырождающагося и выдыхающагося соціаль-демократизма является во многихъ случаяхъ благотворнымъ противоядіемъ по отношенію къ современному политиканству и оппортунизму европейскихъ соціалистовъ. Вообще, въ критикѣ—ихъ сильная сторона, хотя надо признать, что критиковать современный с.-д. дѣло не трудное...

Но спрашивается: что предлагаютъ они намъ въ его замѣну? какова ихъ собственная, положительная революціонная *программа?* наконецъ, каково ихъ отношеніе къ надвигающейся русской революціи?

Обращаясь къ писаніямъ Кропоткина и другихъ нашихъ анарх.-коммун., мы опять-таки попадаемъ въ хаосъ, даже

больше — въ самый центръ его, въ хаосъ хаосовъ. Русскіе анарх.-коммун. хотятъ превзойти всѣхъ въ своей революціонности и готовятся даже вести нашъ народъ къ полной и всеобщей экспропріаціи, къ полному осуществленію коммунизма. Никакой не только конституціи, но даже и частичныхъ соціалистическихъ реформъ они не хотятъ, болѣе — они ихъ боятся.

«По отношенію къ экспропріаціи — говоритъ Кропоткинъ (»Хлѣбъ и Воля»» стр. 56 и слѣд.) — если мы чего боимся, то во всякомъ случаѣ не того, чтобы люди зашли слишко далеко. Мы боимся, наоборотъ, что экспропріація произойдетъ въ слишкомъ незначительныхъ размѣрахъ для того, чтобы быть прочною. Полумѣры никого не удовлетворятъ, а только произведутъ въ обществѣ очень сильное потрясеніе, окажутся мертворожденными, какъ всѣ полумѣры и, не вызвавъ ничего, кромѣ общаго недовольства, приведутъ неизбѣжно къ торжеству реакціи».

И такъ, постановка анархическаго метода революціи здѣсь, кажется, ясна: или все или ничего, полумѣры неизбѣжно приведутъ къ реакціи. Нельзя — говоритъ Кропоткинъ — совершать экспропріацію земли, не касаясь фабрикъ, или экспропріировать дома, не касаясь съѣстныхъ припасовъ. Полумѣры породятъ лишь страшный кризисъ.

«Фабрики начнутъ закрываться, и голодныя толпы будутъ готовы подчиниться первому встрѣчному политическому пройдохѣ, въ родѣ Наполеона III, или даже вернуться къ старому порядку, — лишь бы имъ обезпечили правильную плату за ихъ трудъ».

Отсюда, изъ всѣхъ этихъ суровыхъ предостереженій слѣдуетъ лишь заключить одно, а именно: не суйся въ воду, не спросясь броду,—другими словами, не призывай народъ къ коммунистической революціи безъ увѣренности въ ея готовности. А готова ли наша родина къ такому головокружительному прыжку отъ царизма къ *полному коммунизму?* Нѣтъ, не готова:

«Идеи, — говоритъ Кропоткинъ, — которыя будутъ руководить русской революціей, *будутъ идеями 1789 г.*, видоизмѣненными до извѣстной степени теченіями нашего вѣка» (стр. 85).

Другими словами, Россія созрѣла лишь къ *буржуазной* революціи, и, слѣдовательно, дѣлать въ ней анархистамъ пока нечего: всеобщая экспропріація еще невозможна, частичная—приведетъ къ реакціи.

Совсѣмъ уже иначе говоритъ Кропоткинъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ „Хл. и Воля“ (IX): тутъ ужъ онъ за самую осторожную постепенность соціалистической революціи, за *полумѣры*:

«Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что никакихъ шаговъ въ соціалистическомъ направленіи не будетъ сдѣлано въ Россіи, покуда въ отдѣльныхъ частяхъ, при починѣ городовъ, не начнутся попытки обобществленія земли *прежде всего* (курсивъ нашъ. У.), и отчасти фабрикъ, — и организація земледѣлія, *а также, можетъ быть, и фабричнаго производства*, на общественно-артельныхъ началахъ».

Это предисловіе было написано въ январѣ 1902 г., когда провозглашена была уже программа соц.-революціонеровъ, и невольно думаешь: не она ли оказала на Кропоткина такое отрезвляющее впечатлѣніе, выведшее его изъ проклятой, невылазной дилеммы—или все или ничего, или идеи 1879 года или немедленное и полное осуществленіе коммунизма.

Но у Кропоткина есть — все въ той же книгѣ—и такія еще мѣста, которыя приближаютъ его къ нашимъ „конституціоналистамъ-демократамъ“, короче—къ либераламъ.

«Конституціонное правленіе — говоритъ онъ напр. на стр. 43 — конечно было шагомъ впередъ противъ неограниченнаго правленія дворцовыхъ партій, но человѣчество не можетъ закиснуть на немъ»..

Если это такъ, то спрашивается: почему бы нашимъ анарх.-коммунистамъ не побороться *и за конституцію*, если часъ „всеобщей экспропріаціи“ еще не наступилъ, и дѣлать пока нечего: „шагъ впередъ“ все же лучше, чѣмъ толченіе на одномъ мѣстѣ...

Но допустимъ, что часъ экспропріаціи насталъ. Какъ будутъ совершать эту всеобщую экспропріацію анархисты? Легко сказать: экспропріировать дома, фабрики и заводы, банки и съѣстные припасы; но что дѣлать, чтобы не получилось, вмѣсто революціонной-соціалистической экспропріаціи, контръ-революціоннаго и антисоціалистическаго грабежа? Ни революціоннаго правительства, ни даже мѣстнаго революціоннаго Городского Совѣта (въ случаѣ коммуны) анархисты не хотятъ: все это-де лишь погубитъ революцію. Но тогда кто же будетъ руководить движеніемъ, кто будетъ вносить въ него порядокъ и необходимую дисциплину, кто гарантируетъ общественное имущество отъ расхищенія. Правда, анархисты, по увѣренію Жана Грава, крайне снисходительно относятся къ воровству, даже между товарищами, но, вѣдь, отсюда возникаетъ еще большая опасность, что веденныя ими массы *еще* „снисходительнѣе“ будутъ „экспропріировать“ деньги въ банкахъ, съѣстные

припасы въ магазинахъ и т. д. И тогда ужъ возникнетъ такой «хаосъ», что и анархистамъ жутко станетъ...*)

Все это не безпокоитъ нашихъ анархистовъ. По Кропоткину все это устроится само собою,—станутъ мгновенно и сами собою организовываться частныя группы «добровольцевъ», которыя распредѣлятъ между собой работу составленія описей, инвентаря всему, что лежитъ въ магазинахъ и банкахъ, и завѣдыванія ими, безъ всякаго вмѣшательства коммунальной власти (см. напр. стр. 75 «Хл. и В.»).

«Экспропріація капиталистовъ, — говоритъ Жанъ Гравъ (цит. соч. стр. 148), — захватъ собственности въ общую пользу, — все это дѣло скорѣе небольшихъ и разсѣянныхъ группъ, дѣло мелкихъ стычекъ, чѣмъ правильныхъ сраженій. Для этого рода борьбы не нужно никакихъ вождей»...

Именно!.. Поменьше контроля и планомѣрности: «Духъ разрушенія есть въ то же время и созидающій духъ»...

Соціалистическая, а не анархистская экспропріація предполагаетъ организованное насиліе, недопускающее грабежа уже de-jure *общественнаго* имущества, а стремящееся къ немедленному *обобществленію* отнятаго. Анархистская же, чисто стихійная, экспропріація можетъ создать изъ возмутившейся толпы лишь новыхъ мелкихъ собственниковъ, которые, набивъ свои карманы, тутъ же перейдутъ въ ряды контръ-революціи.

Анархистская экспропріація есть, такимъ образомъ, актъ антисоціалистическій и антиреволюціонный. Она способна революцію обратить въ массовой грабежъ.

Но допустимъ, что экспропріація сошла гладко. Что же дальше?

Отвѣтъ простъ и ясенъ: дальше живи и устраивайся каждый такъ, какъ тебѣ покажется лучше, — это уже не дѣло анархистовъ. Все устроится само собою...

«Вопросъ о формахъ землепользованія послѣ ближайшей народно-рабочей революціи для насъ, анархистовъ-коммунистовъ, разрѣшается такъ же просто и кратко, какъ и первый вопросъ. Освобожденныя общины сами рѣшатъ этотъ вопросъ» (см. газету «Хлѣбъ и Воля», № 3).

И въ самомъ дѣлѣ: чего же проще?..

Объ отрицательномъ отношеніи анархизма къ парламен-

*) Впрочемъ, если судить по передовой статьѣ новаго органа русскихъ анархистовъ-коммунистъ(!) «Безначаліе» (№ 1), экспропріація—грабежъ является ихъ прямой задачей.

таризму мы не станемъ терять много словъ : тутъ нѣтъ абсолютно ничего специфически-анархистскаго. Парламентаризмъ служилъ предметомъ крайнихъ нападокъ со стороны самыхъ различныхъ писателей, начиная съ Прудона и кончая Дж. Ст. Миллемъ. Первымъ, разоблачившимъ всю внутреннюю ложь, всю антидемократичность парламентскаго представительства (даже на основѣ пресловутой всеобщей, прямой и т. д и т. д. подачи голосовъ) былъ не ан-архистъ, а самый убѣжденный демократъ — Жанъ-Жакъ Руссо...

Больше „схожденія“ съ анархистами у рев.-соціалистовъ можетъ быть въ вопросѣ объ экономическомъ — аграрномъ и фабричномъ — террорѣ. Но и тутъ существуетъ дистанція огромнаго размѣра. Анархисты не признаютъ организованнаго террора (см. „Хл. и В.“ № 9): „мы признаемъ только личные акты“. „Террористическія группы могутъ возникать, но онѣ должны разрушаться вмѣстѣ съ объектами ихъ ударовъ“... И тутъ мы видимъ, какъ анархисты боятся организаціи: „при неизбѣжности насилія, говорятъ они, мы всегда предпочтемъ форму неорганизованнаго насилія, — напримѣръ, самосудъ мы предпочитаемъ суду“ (тамъ же № 3). Такова ужъ хроническая болѣзнь анархизма, фатально обрекающая его на безсиліе.

* * *

Мы бы долго еще не закончили, если бы захотѣли исчерпать всѣ противорѣчія и всѣ наивности, проникающія собою все анархистское міросозерцаніе. Да это и не наша задача. Мы хотѣли только показать, что анархизмъ и соціализмъ двѣ вещи разныя, и что ни практическаго ни теоретическаго соглашенія между ними быть не можетъ. Анархизмъ не только утопиченъ, но и антисоціаленъ по самой своей, крайне индивидуалистической, природѣ : въ теоріи онъ родное дѣтище буржуазнаго міросозерцанія, доведеннаго до его крайняго логическаго момента (не даромъ и буржуа и анархистъ такъ сходятся въ своей ненависти къ «грядущему рабству», т. е. къ соціалистическому обществу!); на практикѣ онъ является идеологическимъ выразителемъ люмпенпролетаріата, отражающимъ, какъ въ зеркалѣ, люмпенпролетарскіе, босяцкіе инстинкты и стремленія. До болѣзненности гипертрофированное (переразвитое) чув-

ство личности, полная неспособность къ самообладанію и дисциплинѣ, органическое отвращеніе ко всему обязывающему, къ стройной организованной работѣ, крайняя враждебность къ мірскому, демократическому началу большинства, большая склонность къ временнымъ, скоропреходящимъ вспышкамъ, перемежающимся пассивнымъ «недѣланіемъ» и непротивленіемъ, — вообще, всѣ специфическія свойства дегенерантовъ (вырожденцевъ) высшихъ и низшихъ слоевъ общества чаще всего встрѣчаются въ средѣ, подверженной вліянію современнаго анархизма. Истеричность, экспансивность, душевная неуравновѣшенность — такова его соціальная... психіатрія

Такимъ образомъ если бы меня спросили: возможны ли въ моментъ революціи или еще до него „согласованныя дѣйствія“ съ анархистами, покрайней мѣрѣ, въ дѣлѣ *разрушенія*, я бы поколебался дать утвердительный отвѣтъ. Рискованно вступать въ союзъ съ людьми недисциплинированными, безъ всякой опредѣленной организаціи и не признающими „никакихъ законовъ, кромѣ своей собственной воли“. Гораздо практичнѣе — предоставить ихъ самимъ себѣ, (тѣмъ болѣе, что крупной силой они, по самой своей природѣ, никогда стать не смогутъ), а въ моментъ революціи и особенно на другой день послѣ нея быть крайне осторожнымъ, какъ бы ихъ дезорганизаторскія тенденціи не внесли „хаоса“ въ дѣло кореннаго преобразованія Россіи на соціалистическихъ началахъ. Но прежде всего намъ слѣдуетъ оставаться строгими и послѣдовательными соціалистами-революціонерами, ибо каждый нашъ промахъ, каждая ошибка и нерѣшительность способствуетъ лишь все большему пополненію рядовъ современнаго воинствующаго анархизма.

Анархисты живы лишь нашими ошибками...

Е. Устиновъ.

Р.К.П. (б.)